

Научная статья

УДК 94(47).081/083(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX веков

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет
Чита, Россия

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Аннотация

Обобщены сведения об учреждении пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX в. Пограничные комиссарства возникали по мере формирования границы по ходатайству генерал-губернаторов и осуществляли дипломатическое взаимодействие с китайскими чиновниками и населением приграничной полосы. Их деятельность зависела от региональных особенностей, объем полномочий регулировался дополнительными инструкциями. Пограничные комиссарства являлись необходимым условием мирного характера взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между жителями приграничной полосы, обеспечивали в определенной мере социальную стабильность.

Ключевые слова

Россия, Китай, Дальний Восток, государственная граница, дипломатия, пограничные комиссары, взаимодействие

Для цитирования

Мамкина И. Н. Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 82–94. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries

Inna N. Mamkina

Trans-Baikal State University
Chita, Russian Federation

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Abstract

In the mid-19th century, the Russian government started pushing forward the implementation of a policy to move its population eastward. This was done to strengthen the country's position in the East and required coordination with China to establish state borders. The legal formalization of the boundaries resulted in the development of new mechanisms of border diplomacy for further interaction between both countries. However, there has been relatively little study of the approaches and tools used in Russian-Chinese diplomacy during this time. This article summarizes the history of establishing border commissariats on the Russian-Chinese border in the 2nd half of the 19th – early 20th cen-

© Мамкина И. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 82–94

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 82–94

ture. The study is carried out using the narrative, structural, and functional method, the method of variance, and normative comparison. As a result, it finds out that in the 2nd half of the 19th century, diplomatic functions were shared between the Governor-General, border commissars, and diplomatic officials reporting to the Governor-General. The border commissar was a civil position of the Ministry of Foreign Affairs and was represented by a civilian with the rank of state adviser. The Commissioner's powers were subordinated to and supervised by the Far East region's Governor-General (military position), who overlooked diplomatic relations. Four border commissariats were set up in the Transbaikal, Amour, South Ussuri and Uryankhay regions. The author concludes that there was no unified system of border commissariats. Although the commissars shared professional duties, they acted independently and dealt with foreign policy issues specific to their region. Overall, the commissars' activities helped maintain socio-political stability in the Eastern border regions of the Russian Empire.

Keywords

Russia, China, Far East, state border, diplomacy, border commissioners, cooperation

For citation

Mamkina I. N. Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 82–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Присоединение к России Сибири ознаменовало начало длительного процесса освоения и интеграции в российское общеимперское пространство новых территорий. Административно-территориальное устройство восточных владений формировалось по мере их включения в состав России, заселения и экономического развития. Медленное проникновение русских поселенцев на Дальний Восток обусловило подвижность восточной границы Российской империи на протяжении длительного времени. В 1822 г. сибирские реформы М. М. Сперанского заложили новую административную основу Сибири, поделив ее на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Административное устройство Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, включившего в свой состав Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую область, Троицкосавское пограничное управление, Охотское и Камчатское управления продолжало совершенствоваться на протяжении XIX в.

Рост населения, экономическое развитие сибирского региона обусловили ряд экспедиций для уточнения сведений о восточной окраине империи. Результаты экспедиций Л. Ф. Миддендорфа (1844–1845 гг.), Н. Х. Агте (1849–1850 гг.), Г. И. Невельского (1849 г.) позволили сделать вывод о стратегической важности восточной окраины. В середине XIX в. российское правительство усилило процесс продвижения русского населения на восток. Вместе с тем правовая основа восточных рубежей российского государства после подписания Нерчинского договора в 1689 г. нуждалась в согласовании и дальнейшем закреплении государственной границы между Китаем и Россией.

По условиям Нерчинского договора к России отошли земли по левой стороне р. Аргунь. Территории к востоку от р. Горбицы и югу от хребта Большой Хинган оговаривались весьма условно, граница определялась в общих чертах, при этом часть территории к северу от Амура оставалась не разграниченной и признавалась нейтральной (Русско-китайские отношения..., 1958, с. 9–11). Со временем русские, китайские, корейские поселенцы расселились в пределах неразграниченной территории, осуществляя ее совместное использование на протяжении десятилетий.

Дальнейшее оформление российско-китайской границы связано с заключением в 1727 г. российским дипломатом С. Л. Рагузинским Буринского и Кяхтинского договоров. Россия закрепила за собой территории севернее от хребта Шабин Дабага и до горы Абагайту в верховьях Аргуни (Там же, с. 17–28). В совокупности Нерчинский, Буринский и Кяхтинский договоры устанавливали государственную границу лишь на части приграничных территорий – к западу от р. Горбицы. Восточные же территории по течению Амура и Усури до Тихого океана не имели установленной государственной границы между Россией и Китаем.

Поражение Китая в Первой (1840–1842 гг.) и Второй (1856–1860 гг.) опиумных войнах привело к подписанию им серии неравноправных договоров с европейскими державами. Эти договоры, превращая Китай в полуколонию, открывали дорогу Великобритании, США,

Франции в Азиатско-Тихоокеанский регион, что заметно беспокоило российское правительство. Отсутствие четко обозначенной границы между Россией и Китаем в Приамурье осложняло положение России на Дальнем Востоке. Появление в пределах неразграниченной территории третьей стороны в лице европейских держав для России было крайне нежелательным. В марте 1820 г. министр иностранных дел К. В. Нессельроде, министр финансов Д. А. Гурьев, министр внутренних дел В. П. Кочубей на совместном совещании выступили за употребление всех возможных средств, «дабы удалять иностранцев от восточных берегов Сибири» (Внешняя политика..., 1978, с. 344). В 1850-х гг. правительство утвердило проект Н. Н. Муравьева об учреждении Забайкальской (11 июля 1851 г.), Приморской (31 октября 1856 г.) и Амурской (20 декабря 1858 г.) областей. До образования Приамурского генерал-губернаторства (1884 г.) Приморская область и часть Амурской в официальных документах именовались Южно-Уссурийским краем.

Решение пограничного вопроса продолжилось подписанием Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем. По Айгунскому договору территории по левому берегу Амура до впадения в него р. Уссури становились владением России. Пекинский договор подтвердил границу по Амуру и оформил дальнейшее разграничение. Граница устанавливалась по р. Уссури и Сунгача, оз. Ханка, р. Беленхэ (Тур) и далее по горному хребту к устью р. Хубиту (Хубту, Ушагоу) и от этого места «по горам, лежащим между р. Хуньчунь и морем до р. Тумыньцзян»¹. Таким образом, Россия официально закрепила за собой Северное Приамурье, Уссурийский край и Приморье. В соответствии с договорами была установлена и нанесена на карты государственная граница между Россией и Китаем.

Установление государственной границы обусловило необходимость учреждения специальных механизмов приграничной дипломатии для дальнейшего взаимодействия России и Китая.

Начиная со второй половины XIX в. исследователи рассматривали историю дипломатической службы на востоке Российской империи в основном в контексте изучения торгово-экономических и внешнеполитических взаимоотношений России и Китая, не уделяя при этом внимания организации и деятельности пограничных учреждений, обеспечивавших дипломатическое и иное взаимодействие российской и китайской сторон непосредственно на приграничных территориях. Исключение представляют «Записка...» советника Троицко-Савского пограничного правления Г. А. Сычевского [1875], в которой на основе нормативных документов описываются административные аспекты организации пограничной территории после заключения Кяхтинского договора 1727 г., и исследование Б. Г. Курца [1929], содержащее некоторые сведения о создании института пограничных комиссаров по итогам заключения того же Кяхтинского договора.

С конца XX в. исследовательский интерес к имперскому периоду российской истории значительно возрос, в том числе актуализировалась тема российско-китайских приграничных отношений до 1917 г. Появились первые специальные исследования о зарождении и функционировании дипломатических служб на Дальнем Востоке. На основе архивных материалов Г. И. Саркисова изучила отдельные аспекты организации пограничного комиссарства в Кяхте в XVIII в. Публикации этого автора богаты биографическими сведениями и фактическими данными [Саркисова, 2014]. О кяхтинских пограничных комиссарах упоминается в публикациях А. И. Петрова [2009] и А. В. Малановой [2011].

Более широкое освещение получила деятельность пограничного комиссара Южно-Уссурийского края. Е. И. Нестерова [2018] уделила внимание биографии первого комиссара В. Д. Овандера. В статьях И. В. и Д. И. Шмониных [2015; 2016] собраны обобщающие сведения о деятельности комиссаров Южно-Уссурийского края. Ю. А. Павлов [2007] обобщил данные о кадровых военных, занимавших гражданскую должность пограничных комиссаров на Дальнем Востоке. Его исследование содержит биографические сведения о шести офице-

¹ Дополнительный договор между Россией и Китаем. Пекин, 2/14 ноября 1860 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. URL: <https://istmat.org/node/27125> (дата обращения 16.12.2022).

рах Приамурского генерал-губернаторства. А. В. Соколенко [2015] исследовал сотрудничество пограничных комиссаров с российскими разведывательными службами на Дальнем Востоке. В. А. Василенко [2013] описывает противоречия между чиновниками переселенческого комитета, пограничным начальником и пограничным комиссаром в Урянхайском крае, раскрывая еще один аспект деятельности представителей дипломатической службы.

В целом, отметим, что современные исследования положили начало изучению российских дипломатических служб и механизмов на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Однако их совокупность не дает целостного представления о системе дипломатической службы на востоке Российской империи. Вопрос о механизмах китайского направления российской дипломатии остается малоизученным. Учитывая данное обстоятельство, мы считаем необходимым дать общий обзор истории организации пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX в.

Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы, выявленные в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва) и Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК, Чита), а также международно-правовые акты, уже введенные в научный оборот и неоднократно опубликованные в разного рода изданиях.

Юридическое закрепление границы требовало проведения демаркационных работ, установления пограничных знаков и постов, а также решения проблемы взаимодействия властей и населения на приграничной территории. Как отмечалось в докладе чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (1904 г.), принцип совместного пользования долинами рек Амурского бассейна «вполне естественно и глубоко проник в сознание местных жителей»². В Приамурском крае осели выходцы из Китая – «зазейские маньчжуры». Русское население пользовалось сенокосными, охотничьими, рыболовными, пахотными угодьями на правом берегу Амура, заходя вглубь Маньчжурии на сотню верст [Мамкина, Гусевская, 2019, с. 112]. Проведение демаркационной полосы ограничило совместное использование территорий китайским и русским поселенцами.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что процесс освоения Россией азиатских владений обусловил учреждение специальных органов власти, не типичных для административной системы, действующей на исконно русской территории. Специфика управления восточными окраинами Российской империи неоднократно становилась предметом изучения историков (см., например: [Ерошкин, 1968; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., 2018; Ремнев, 1995]). Ярко проявилась она и в организации дипломатической службы. На Дальнем Востоке длительное время отсутствовали консульские учреждения Министерства иностранных дел. Полномочия официальных дипломатических служб изначально (еще с XVII в.) возлагались на местную администрацию. В частности, в первом российско-китайском договоре, подписанном в Нерчинске в 1689 г., упоминались «порубежные воеводы», уполномоченные разрешать «ссоры меж порубежными жителями» и «чинить казнь жестокою» за разбои или убийства (Русско-китайские отношения..., 1958, с. 9–11). Во второй половине XIX в. дипломатические функции распределялись между генерал-губернатором, пограничными комиссарами и чиновниками по дипломатической части при генерал-губернаторах.

Появление должностного лица, уполномоченного на ведение дипломатических сношений с Китаем, связано с подписанием Кяхтинского договора 1727 г., определившего правила и порядок русско-китайской торговли, которая должна была осуществляться на р. Кяхте, протекавшей рядом с границей. По сведениям советника Троицко-Савского пограничного правления Г. А. Сычевского, С. Л. Рагузинский составил специальную инструкцию, регламентирующую деятельность по охране границы, организации торговли и взаимодействию с китайской стороной [Сычевский, 1875, с. 29]. Инструкция предписывала неукоснительное соблюдение российско-китайских соглашений, «дабы двору китайскому не дать причины

² ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 21.

к разорванию мира, нарушению корреспонденции и коммерции, испровержению границы, которая в сем деле главнейшая» [Сычевский, 1875, с. 29].

Для строительства и обустройства торговой слободы на р. Кяхту были направлены капитан Федор Княгинкин и переводчик Алексей Третьяков. На последнего также возлагались обязанности по взаимодействию с китайской стороной. В инструкции, составленной С. Л. Рагузинским, четко говорилось о том, что «указом же определен селенгинский дворянин Алексей Третьяков вместо дьяка, от российской стороны против китайского джаргучея, для того что он, Алексей, человек не без ума, и не токмо мунгальскому языку доволен, но и отчасти китайской разумеет» [Там же]. Третьяков вел переговоры с китайской стороной, принимал участие в разрешении спорных вопросов между купцами, в целом отвечал за взаимодействие с китайцами, что позволяет говорить о дипломатическом статусе его должности. Вместе с тем статус самой должности в российской административной системе остался неясным.

Для ведения всех пограничных дел и установления контроля над приграничным взаимодействием после подписания Кяхтинского договора была учреждена Селенгинская пограничная канцелярия. Пограничная стража осуществляла охрану государственной границы, контролировала российско-китайский торг, обеспечивала правопорядок в приграничной полосе. Кяхтинский переводчик, служащий «вместо дьяка от российской стороны», назначался и подчинялся начальнику Селенгинской пограничной канцелярии [Там же, с. 46].

В 1729 г. состоялись первые российско-китайские торги в Кяхтинской слободе (Кяхте), прошедшие без особого размаха. В торге приняли участие всего 4 китайских и 10 русских торговцев [Попов, 2013, с. 26]. С отменой в 1762 г. государственной монополии на торговлю пушниной значение Кяхты как торгового центра возросло [Мишакова, 2011, с. 48]. Превращение Кяхты в центр российско-китайской торговли требовало соответствующего управления и контроля. В 1783 г. на смену Селенгинской пограничной канцелярии учреждается Троицкосавская обер-комендантская канцелярия, замененная в 1797 г. Троицкосавской пограничной канцелярией, находившейся в подчинении Иркутского гражданского губернатора [Там же]. Названные канцелярии осуществляли непосредственное руководство охраной государственной границы и взаимодействовали с китайской стороной.

В середине XIX в. Кяхта оставалась вовлеченной в российско-китайскую торговлю, объемы которой возрастали. В контексте административно-территориальных преобразований Восточной Сибири генерал-губернатор Н. Н. Муравьев инициировал учреждение в Кяхте градоначальства [Малыгина, 2017, с. 89]. 20 июня 1851 г. в новом штате градоначальства была учреждена должность пограничного комиссара. В 1852 г. исполняющим обязанности пограничного комиссара назначен, а в 1854 г. утвержден в должности А. И. Деспот-Зенович [Маланова, 2011, с. 7].

9 февраля 1863 г. Государственный Совет утвердил инструкцию пограничному комиссару, составленную военным губернатором Забайкальской области. По инструкции пограничный комиссар относился к государственным гражданским должностям Министерства иностранных дел и замещался гражданским лицом с чином не ниже статского советника. Комиссар подчинялся военному губернатору Забайкальской области, однако вопросы дипломатического характера курировались генерал-губернатором Восточной Сибири. Пограничный комиссар имел в подчинении двух переводчиков с монгольского языка. Он получал 1 500 руб. в год жалования, 1 500 руб. дополнительно на питание («столовые» деньги), 500 руб. на разъезды и 1 000 руб. на текущие расходы. Жалование переводчиков составляло 600 руб. в год на каждого. Для ведения официальной переписки, текущей документации в смете были заложены средства на канцелярские расходы комиссарства в размере 1 000 руб.³ Итого на годовое содержание комиссарства казна выделила 6 700 руб.

³ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2. Л. 3 об.

Смета не предусматривала расходы на жилье, поскольку купечество Кяхты выделило средства на строительство специального помещения для работы и проживания пограничного комиссара⁴. По этому поводу А. И. Петров отмечал, что кяхтинский пограничный комиссар стремился «достойно выглядеть в глазах китайских гостей» [Петров, 2009, с. 5], а кяхтинское купечество жертвовало деньги охотно и не мелочилось.

При обсуждении полномочий комиссара члены Госсовета подчеркнули, что должность учреждается «для сношения с дзаргучеем⁵ Кяхтинского Маймачена и заведования собственными пограничными делами в Кяхтинской слободке»⁶. Предел полномочий ограничивался непосредственно Кяхтой и ее окрестностями. Комиссару вменялось в обязанности осуществлять выдворение китайских подданных, незаконно находившихся на территории Российского государства без документов и не совершивших противоправных действий; разбирать ссоры между русскими и китайцами; рассматривать вопросы о долгах, финансовых претензиях представителей с русской и китайской сторон; содействовать передаче скота, зашедшего за демаркационную полосу; помогать розыску и передаче на родину русских преступников, совершивших преступления в Китае; осуществлять контроль над исполнением наказаний китайских подданных в Китае за совершенные преступления в пределах российской территории; «сохранять доброе согласие» между местными жителями с обеих сторон; противодействовать контрабанде спирта (другие товары не упоминались – примеч. автора); выдавать паспорта и торговые свидетельства для русских и китайских подданных; составлять статистический отчет по оптовой торговле России и Китая, осуществляемой через Кяхту; собирать сведения «о нуждах местной торговли», давать заключения по ней; отправлять государственную почту в Пекинскую миссию⁷ и содействовать отправке курьеров; осуществлять паспортный контроль над иностранцами из других азиатских и европейских держав⁸.

Инструкция закрепляла довольно широкий и разноплановый круг административных и дипломатических полномочий. На практике деятельность пограничного комиссара в Кяхте в большей степени носила дипломатический характер, способствовала поддержанию дружеских взаимоотношений с китайскими властями и осуществлению контроля пересечения русской границы иностранными подданными⁹.

В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков ходатайствовал перед Особым совещанием по делам Приамурского края¹⁰ об учреждении должности пограничного комиссара по аналогии с Кяхтой. После длительного обсуждения предложений М. С. Корсакова Особое совещание весной 1869 г. приняло решение об учреждении должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, окончательно утвержденное мнением Государственного Совета 12 ноября 1869 г.¹¹

Полномочия пограничного комиссара распространялись на территорию Южно-Уссурийского края. За основу его должностных обязанностей была взята инструкция кяхтинского комиссара, но при этом статус южно-уссурийского комиссара был выше. Если комиссар в Кяхте мог вступать во взаимоотношения лишь с дзаргучеем, то его южно-уссурийский коллега приравнялся к Нингутскому фудутуну, обладавшему более высоким статусом, чем дзаргучей¹², и имел право вступать во взаимодействие с властями Гиринской и Хэйлуцзян-

⁴ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2. Л. 3 об.

⁵ Дзаргучей – китайский чиновник, осуществляющий административные и судебные функции.

⁶ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

⁷ Русская духовная миссия в Пекине (Пекинская духовная миссия) – церковно-политическое представительство Российской церкви и государства, действовавшее в Пекине в XVII–XX вв.

⁸ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3–5.

⁹ Там же. Д. 2, 42, 77, 85.

¹⁰ Особое совещание по делам Приамурского края, орган под председательством генерал-адмирала великого князя Константина, курировавший вопросы управления и развития Приамурского края с 1864 по 1884 г. Образован по инициативе императора Александра II.

¹¹ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

¹² Фудутун – должностное лицо в Китае, пользовался правами губернатора провинции.

ской провинций [Нестерова, 2018, с. 120]. Комиссар Южно-Уссурийского края подчинялся военному губернатору Приморской области, но по дипломатическим вопросам – напрямую генерал-губернатору Восточной Сибири.

Первым южно-уссурийским комиссаром в 1870 г. назначили Василия (Вильгельма) Дмитриевича (Эдуардовича) Овандера [Там же, с. 123]. По состоянию здоровья Овандер не смог продолжить службу, и в 1871 г. временно исполнял обязанности комиссара надворный советник Филиппович (его имя и отчество выяснить не удалось). С 27 августа 1873 г. назначение на эту должность получил Николай Гаврилович Матюнин, прослуживший в ней более 30 лет. 18 сентября 1899 г. его сменил Евгений Тимофеевич Смирнов. В 1912 г. пограничным комиссаром назначен Никита Дмитриевич Кузьмин, остававшийся в должности до 1922 г. [Шмонин И. В., Шмонин Д. И., 2016, с. 208].

Полномочия южно-уссурийского комиссара неоднократно пересматривались. В 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс ввел в действие на два года «Дополнительные инструкции южно-уссурийскому комиссару» и «Инструкцию для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае». Круг обязанностей комиссара включал в себя визирование и статистический учет проездных документов китайских и корейских подданных, пересекавших российскую границу; выдачу документов русским подданным для поездки в Китай; «сношение с соответствующими учреждениями ради законного удовлетворения требований китайских властей»¹³. Кроме того, он должен был заниматься сбором сведений о политической и экономической ситуации в Китае и Корее, а также сотрудничеством с пограничной стражей в рамках обеспечения безопасности на государственной границе. Нередко пограничные комиссары являлись резидентами пограничной, военной и внешней разведки на Дальнем Востоке, что налагало на них дополнительные обязанности [Шмонин И. В., Шмонин Д. И., 2015, с. 127].

В феврале 1895 г. генерал-губернатор Приамурского края С. М. Духовской в очередной раз пересмотрел содержание инструкции. В деятельности южно-уссурийского пограничного комиссара появились полномочия, связанные с охраной границы. Дипломатия отходила на второй план перед необходимостью укрепления слабо охраняемой и протяженной государственной границы. С 1889 г. под руководством пограничного комиссара осуществлялась охрана государственной границы на участке от р. Туманган, впадающей в Японское море на юге края, до станции Графское [Соколенко, 2015, с. 154].

В 1896 г. на совместном заседании Государственного совета, департамента законов и департамента государственной экономии по ходатайству Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского обсуждался вопрос об учреждении еще одной должности пограничного комиссара – в Амурской области. Необходимость ее появления С. М. Духовской аргументировал тем, что, во-первых, со строительством Транссибирской железной дороги и разработкой золотых приисков в российском Приамурье стало появляться все больше китайцев, искавших работу, во-вторых, актуализировалась необходимость установления контроля над проживавшими на левом берегу Амура «зазейскими маньчжурами»: «оказывается нужным наблюдать за этим пришлым элементом, регулировать отношения между выходцами из Небесной империи и местными жителями, свидетельствовать заключение между ними сделки и договоры»¹⁴. Отметим, что «наблюдение» за «зазейскими маньчжурами» было продиктовано их административной автономностью и отказом подчиняться российским властям¹⁵.

В сложившейся практике должность пограничных комиссаров на востоке страны занимали гражданские лица, что существенно затрудняло поиск кандидатов, соответствовавших установленным требованиям. «Для облегчения замещения учреждаемой должности» участники вышеупомянутого совещания приняли решение о допуске к ней военных чинов¹⁶.

¹³ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 70.

¹⁶ Там же. Л. 3.

По данным Ю. А. Павлова, на Дальнем Востоке должность пограничного комиссара в разное время занимали шесть офицеров, среди них, в частности, был и автор первого в России учебника корейского языка Н. Д. Кузьмин [Павлов, 2009, с. 106].

15 апреля 1896 г. штат пограничного комиссарства Амурской области утвердили по образцу уже существующих. На содержание комиссара из казны выделялось 4 500 руб. в год, переводчика китайского языка – 2 300 руб. в год, переводчика монгольского языка – 1 200 руб. в год, на канцелярские расходы – 1 000 руб.¹⁷. Комиссар подчинялся Амурскому губернатору, а по дипломатическим вопросам взаимодействовал с Приамурским генерал-губернатором. Местом пребывания комиссарства власти определили Благовещенск. 26 августа 1898 г. генерал-губернатор Н. И. Гродеков утвердил должностную инструкцию, принципиально не отличавшуюся от уже существовавших¹⁸. Первым пограничным комиссаром в Амурской области был назначен Б. Л. Громбчевский [Там же].

Деятельность пограничного комиссара сосредоточилась в основном на осуществлении паспортно-визового контроля передвижения русских, китайцев и корейцев в пределах пограничной территории. Комиссар принимал участие в рассмотрении судебных тяжб между жителями приграничных территорий России, Китая и Кореи, стоял на страже интересов русских подданных, проживавших на китайской приграничной территории [Соколенко, 2016, с. 154]. Штат амурского пограничного комиссарства включал три подразделения. Отдел регистрации, состоявший в разное время из пяти – девяти служащих, занимался учетом пребывающих иностранцев. В отделе впервые в пограничной практике перехода государственной границы ввели фотографирование китайцев и корейцев. Паспортный отдел в составе пяти человек занимался выдачей иностранцам документов для передвижения по российской территории, оформлял документы на принятие в российское подданство. Трое служащих «канцелярии китайского квартала» осуществляли сношение с китайским населением, проживавшим в Благовещенске, оказывали «содействие полиции»¹⁹. В период навигации по местным рекам в штат добирались помощники из-за увеличения числа азиатов, переходивших границу в поисках работы в летний период²⁰.

Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. привело к значительному увеличению числа китайцев, стремившихся осесть в приграничной полосе. По мнению приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, после войны Китай, «получив по Портсмутскому договору обратно Маньчжурию, жаждет ее закрепить за собою на вечные времена»²¹. Следуя этой цели, китайские власти интенсивно заселяли приграничные районы Маньчжурии, что усиливало миграцию китайцев, искавших работу. В 1907 г. из-за наплыва японцев, китайцев и корейцев амурский пограничный комиссар ходатайствовал об увеличении числа служащих. В июне 1909 г. в штат комиссарства были приняты переводчики японского и корейского языков²².

Учреждение еще одного пограничного комиссарства было связано со стремлением России вовлечь в сферу своих интересов Урянхайский край – северо-западный район Китая, где преимущественно проживали урянхайцы, позднее более известные как тувинцы.

Еще в 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин ходатайствовал об учреждении должности пограничного комиссара в Урянхайском крае. Однако российские власти ходатайство посчитали преждевременным. После революции в Китае ситуация кардинально изменилась. В июне 1912 г. в Министерстве иностранных дел были подготовлены «Материалы для инструкции урянхайскому комиссару». В окончательном виде «Инструкция

¹⁷ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 26.

должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края» была утверждена 29 июня 1914 г.²³

Инструкция распространялась на территорию Урянхайского края и примыкавшего к нему Усинского пограничного округа, образованного в составе Енисейской губернии. В 1885 г. круг лиц, которые должны были руководствоваться положениями инструкции, включал: «комиссара по делам Урянхайского края и его управление; усинского пограничного начальника и его помощников; чинов Переселенческого управления, командированных главным-управляющим землеустройством и земледелием»²⁴. По инициативе министра иностранных дел С. Д. Сазонова должность комиссара по делам Урянхайского края приравнивалась по статусу и полномочиям к должности пограничного комиссара, чтобы «не вызвать нарекания со стороны самого Китая, так и со стороны других государств (Японии, Америки, Англии), имеющих существенные интересы на Дальнем Востоке» [Василенко, 2013, с. 31]. Статус пограничного комиссара позволил избежать претензий со стороны китайских властей. Кроме этого Россия получила возможность осуществлять в Урянхайском крае пророссийскую деятельность. Вместе с тем объем полномочий урянхайского комиссара существенно превышал полномочия остальных пограничных комиссаров, осуществлявших деятельность на Дальнем Востоке России.

Урянхайский комиссар исполнял «общее руководство и надзор за деятельностью всех лиц, находящихся в составе управления данной местностью»²⁵; противодействовал провозу через границу запрещенных товаров (спирт, оружие, опиум, порох); принимал меры к возвращению угнанного за границу скота; составлял отчеты о состоянии торговли на вверенной ему территории; выдавал проездные документы для лиц, пересекавших государственную границу; осуществлял руководство полицией²⁶. В инструкции отмечалась особая обязанность «вести сношения с туземным населением сего края»²⁷.

Оценивая круг полномочий урянхайского пограничного комиссара, согласимся с исследователем В. А. Василенко в том, что в 1913 г. в Урянхайском крае (будущей Туве) были внедрены механизмы российского влияния в лице пограничного комиссара и подчиненных ему должностных лиц [Василенко, 2016, с. 230]. В целом, ссылаясь на исследования ряда авторов, необходимо отметить, что деятельность урянхайского пограничного комиссара дала положительные результаты [Василенко, 2013; 2016; Кузьмин, 2018; Суходолов, Кузьмин, 2016]. В 1914 г. по ходатайству урянхайских родов Тува приняла российский протекторат [Василенко, 2016, с. 236].

Подводя итог, отметим, что появление комиссарств тесно связано с определением государственных границ между Россией и Китаем. С установлением границы вопросы, связанные с жизнедеятельностью населения приграничной полосы двух государств, нуждались в регулировании дипломатическими средствами. Одним из решений стало учреждение должности пограничного комиссара со штатом переводчиков. По мере усиления российско-китайского взаимодействия увеличивался штат, изменялись полномочия комиссарств, приспособившаяся к региональным потребностям либо внешнеполитическому курсу российской власти. При этом единой системы пограничных комиссарств так и не сложилось. Комиссарства, схожие по должностным инструкциям и штатам, действовали независимо друг от друга, решая внешнеполитические задачи конкретного региона. Кяхтинский комиссар был сосредоточен на осуществлении порядка организации торговли с Китаем в Кяхте. У южно-уссурийского комиссара преобладали охранные функции. Амурский комиссар осуществлял преимущественно миграционный учет прибывавших китайских и корейских подданных. Урянхайский

²³ Инструкция должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края. URL: <https://www.prlib.ru/item/465347> (дата обращения 16.12.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

комиссар проводил пророссийскую политику, взаимодействуя с местными властями Урянхайского края.

Вместе с тем основной задачей всех пограничных комиссаров являлись сглаживание пограничных конфликтов и установление добрососедских отношений с Китаем. Их деятельность, направленная на поддержание мирных взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между жителями приграничной полосы, способствовала обеспечению социально-политической стабильности в пограничных районах на восточных окраинах Российской империи.

Список литературы

- Василенко В. А.** Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «Урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Улан-Батор; Иркутск, 2016. Т. 1. С. 216–240.
- Василенко В. А.** Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние // Научные исследования Тувы. 2013. № 4. С. 29–38.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.** Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Отгиск, 2018. Т. 2. 416 с.
- Ерошкин Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1968. 368 с.
- Кузьмин С. Л.** Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. 2018. № 3 (37). С. 2–13.
- Курц Б. Г.** Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. 158 с.
- Маланова А. В.** Кяхтинское градоначальство и А. И. Деспот-Зенович // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 163–167.
- Малыгина О. А.** Кяхтинское градоначальство – особый административный проект Забайкальского трансграничья (вторая половина XIX в.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 88–91.
- Мамкина И. Н., Гусевская Н. Ю.** Реализация геополитических интересов Российской империи в приграничных районах Северной Маньчжурии после боксерского восстания // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2019. Вып. 9, ч. 2. С. 112–116.
- Мишакова О. Э.** Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник БГУ. 2011. № 7. С. 46–50.
- Нестерова Е. И.** Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–125.
- Павлов Ю. А.** Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105–109.
- Петров А. И.** Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–13.
- Попов И. В.** Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // MONGOLICA. СПб., 2013. Т. 11. С. 28–36.
- Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 252 с.
- Саркисова Г. И.** «Во уважение отличного усердия... к службе и в пользу государства подвигов» (архивные материалы о пограничном комиссаре В. К. Игумнове и его семье) // Исторические события в жизни Китая и современность: Материалы V Всерос. науч. конф. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН (Москва, 30–31 октября 2019 г.). М., 2019. С. 42–46.

- Саркисова Г. И.** Некоторые аспекты формирования кадровой политики коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19, № 19. С. 359–379.
- Соколенко А. В.** Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Грамота. 2015. № 10 (60), ч. 2. С. 152–157.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В.** Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии. Иркутск: Изд-во Байкал. ун-та, 2016. 312 с.
- Сычевский Г. А.** Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Саввского пограничного правления Сычевским в 1846 г. М.: Имп. об-во истории и древностей рос. при Московском ун-те, 1875. 300 с.
- Шмони И. В., Шмони Д. И.** Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 121–129.
- Шмони И. В., Шмони Д. И.** Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.

Список источников

- Внешняя политика России XIX – начало XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия вторая. 1815–1830 гг. М.: Госполитиздат, 1978. Т. 3 (11). 344 с.
- Русско-китайские отношения 1689–1916 г. М.: Вост. лит., 1958. 137 с.

References

- Dameshek L. M. Dameshek I. L.** Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.) [Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822–1917)]. Irkutsk, Ottisk, 2018, vol. 2, 416 p. (in Russ.)
- Eroshkin N. P.** Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii [History of Pre-revolutionary Russian State Institutions]. Moscow, Vysshaya shkola, 1968, 368 p. (in Russ.)
- Kuzmin S. L.** Uryankhaiskii vopros i mongolo-tuvinskie otnosheniya v nachale XX v. [Uriankhai Issue and Mongolia-Tuvan Relations in the Early 20th Century]. *Oriental Studies*, 2018, no. 3 (37), pp. 2–13. (in Russ.)
- Kurts B. G.** Russko-kitaiskie otnosheniya v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh [Russian-Chinese Relations in the 16th, 17th and 18th Centuries]. Kharkov, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1929, 158 p. (in Russ.)
- Malanova A. V.** Kyakhtinskoe gradonachal'stvo i A. I. Despot-Zenovich [Kyakha City Municipality and A. I. Despot-Zenovich]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2011, no. 9, pp. 163–167. (in Russ.)
- Malygina O. A.** Kyakhtinskoe gradonachal'stvo – osobyi administrativnyi proekt Zabaikal'skogo transgranich'ya (vtoraya polovina XIX v.) [Kyakha City Municipality: A Special Administrative Project to Transform the Trans-baikal Transboundary Area (The 2nd Half of the 19th Century)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]*, 2017, no. 12, pp. 88–91. (in Russ.)
- Mamkina I. N., Gusevskaya N. Yu.** Realizatsiya geopoliticheskikh interesov Rossiiskoi imperii v prigranichnykh raionakh Severnoi Man'chzhurii posle bokserskogo vosstaniya [The Realization of the Geopolitical Interests of the Russian Empire in the Border Areas of the Northern Manchuria after the Boxers' Uprising]. In: Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russia and Chi-

- na: History and Perspectives of Cooperation: Proceedings of the 9th International Scientific-Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2019, iss. 9, pt. 2, pp. 112–116. (in Russ.)
- Mishakova O. E.** Kyakhta: ot karavannoi trgovli do porto-franko. Iz istorii torgovykh otnoshenii Rossii i Kitaya v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Kyakhta: From Caravan Trade to Free Port. From the History of Trade Relations between Russia and China in the 18th – 1st Half of the 19th Century]. *Vestnik BGU [Bulletin of the BSU]*, 2011, no. 7, pp. 46–50. (in Russ.)
- Nesterova E. I.** Yuzhno-Ussuriiskoe pogranchnoe komissarstvo: ot proekta do realizatsii (konets 60-kh – nachalo 70-kh godov XIX veka) [Administration of Boundary Commissioner in the South Ussuri Region: from Project to Implementation (Late 60s – Early 70s of the 19th Century)]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 2018, no. 5, pp. 118–125. (in Russ.)
- Pavlov Yu. A.** Ofitsery – pogranchnye komissary na Dal'nem Vostoke (konets XIX – nachalo XX v.) [Boundary Commissioners of the Far East (the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)]. *Vestnik DVO RAN [Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences]*, 2009, no. 1, pp. 105–109. (in Russ.)
- Petrov A. I.** Kitaitsy v Kyakhte (1727–1917 gg.) [Chinese in Kyakhta (1727–1917)]. *Vestnik DVO RAN [Bulletin of the FEB RAS]*, 2009, no. 1, pp. 3–13. (in Russ.)
- Popov I. V.** Torgovlya Rossii i Kitaya cherez Kyakhtu i Maimachen [Trade of Russia and China through Kyakhta and Maymachen]. *MONGOLICA*. St. Petersburg, 2013, vol. 11, pp. 28–36. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Samoderzhavie i Sibir' [Autocracy and Siberia]. Omsk, OmSU Press, 1995, 252 p. (in Russ.)
- Sarkisova G. I.** “Vo uvazhenie otlichnogo userdiya... k sluzhbe i v pol'zu gosudarstva podvigo” (arkhivnye materialy o pogranchnom komissare V. K. Igumnove i ego sem'e) [“In respect of excellent diligence... for service and feats benefiting the state” (Archival Materials about the Border Commissar V. K. Igumnov and His Family)]. In: *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost': Materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii Tsentra noveishei istorii Kitaya i ego otnoshenii s Rossiei IDV RAN [“Historical Events in China's Life and Modernity”: Proceedings of the 5th All-Russian Scientific Conference of the Center of Modern History of China and its Relations with Russia of IFE RAS]*. Moscow, 2019, pp. 42–46. (in Russ.)
- Sarkisova G. I.** Nekotorye aspekty formirovaniya kadrovoi politiki kollegii inostrannykh del na kitaiskom napravlenii vo vtoroi polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam) [Russia's Board of Foreign Affairs in the 2nd Half on the 18th Century: Some Aspects of the Forming of the Personnel Policy in Chinese Direction (on Archival Materials)]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 2014, vol. 19, no. 19, pp. 359–379. (in Russ.)
- Sokolenko A. V.** Uchastie pogranchnykh komissarov Priamurskogo general-gubernatorstva v bor'be s deyatelnost'yu inostrannykh razvedok na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX v. [Participation of the Border Commissars of the Amur Governorate-General in the Fight against the Activities of Foreign Intelligence Services in the Russian Far East in the Beginning of the 20th Century]. *Gramota [Diploma]*, 2015, no. 10 (60), pt. 2, pp. 152–157. (in Russ.)
- Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V.** Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny XX veka: problemy istorii i istoriografii [Mongolia and Russian-Mongolian Relations of the 1st Half of the 20th Century: Problems of History and Historiography]. Irkutsk, Izdatel'stvo Baikal'skogo unibersiteta, 2016, 312 p. (in Russ.)
- Sychevsky G. A.** Istoricheskaya zapiska o kitaiskoi granitse, sostavlennaya sovetnikom Troitsko-Savvskogo pogranchnogo pravleniya Sychevskim v 1846 g. [Historical Note on the Chinese Border, Compiled by the Adviser of the Troitsko-Savva Border Board Sychevsky in 1846]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1875, 300 p. (in Russ.)
- Shmonin I. V., Shmonin D. I.** Deyatel'nost' upravleniya pogranchnogo komissara v Yuzhno-Ussuriiskom krae po zashchite natsional'nykh interesov Rossiiskoi imperii [Activities of Ad-

ministration of Boundary Commissioners Office in the South Ussuri Region for Protection of National Interests of the Russian Empire]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*, 2016, no. 4, pp. 206–217. (in Russ.)

Shmonin I. V., Shmonin D. I. Istoricheskie aspekty obespecheniya bezopasnosti dal'nevostochnykh granits Rossii v nachale XX v. [Historical Aspects of Providing Security of Russia's Far Eastern Borders in the Early 20th Century]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*, 2015, no. 4 (90), pp. 121–129. (in Russ.)

Vasilenko V. A. Pogranichnyi komissar v Tuve v 1913 godu: naznachenie, problemy, protivostoyanie [Border Commissioner in Tuva in 1913: Appointment, Problems, Confrontation]. *Nauchnye issledovaniya Tuvy [Scientific Research of Tuva]*, 2013, no. 4, pp. 29–38. (in Russ.)

Vasilenko V. A. Otnosheniya stran «Tsentral'noaziatskogo treugol'nika» po «Uryankhaiskomu voprosu» (1911–1914 gg.) [“Central Asian Triangle” Countries' Positions Regarding the “Urianhai question” (1911–1914)]. In: Kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii v pervoi polovine XX veka [Conceptual Questions of Russian-Mongolian Relations in the 1st Half of the 20th Century]. Ulan-Bator, Irkutsk, 2016, pp. 216–240. (in Russ.)

List of Sources

Vneshnyaya politika Rossii XIX – nachalo XX veka. Dokumenty Rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya vtoraya. 1815–1830 gg. [Russia's Foreign Policy in the 19th – Early 20th Century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series 2. 1815–1830]. Moscow, Gospolitizdat, 1978, vol. 3 (11), 344 p. (in Russ.)

Russko-kitaiskie otnosheniya 1689–1916 g. [Russian-Chinese Relations 1689–1916]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1958, 137 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Инна Николаевна Мамкина, доктор исторических наук, доцент
WoS Researcher ID U-4596-2017

Information about the Author

Inna N. Mamkina, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID U-4596-2017

*Статья поступила в редакцию 13.03.2023;
одобрена после рецензирования 23.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.
The article was submitted on 13.03.2023;
approved after reviewing on 23.04.2023; accepted for publication on 12.05.2023*